

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за кражу»

Студент

В.А. Щербина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Н.Ж. Данилина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность данной выпускной квалификационной работы обусловлена тем, что кража чужого имущества является самым распространенным преступлением, ответственность за которое предусмотрена действующим УК РФ, и представляет повышенную степень общественной опасности для экономических интересов граждан нашего государства. При этом, анализ практики показывает, что в современных условиях определенную трудность вызывают вопросы определения состава кражи, квалификации по отдельным квалифицирующим признакам кражи, отграничение кражи от смежных составов преступления и иных деликтов, таких как ненасильственные хищения, мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, а также временного незаконного завладения чужим имуществом, присвоения найденного имущества.

Цель исследования - является изучение понятия и проблемных вопросов уголовно-правовой характеристики кражи (ст. 158 УК РФ).

Задачи исследования: определить понятие и признаки хищения имущества; дать общую характеристику предмета преступления при хищении; рассмотреть объективные признаки кражи; рассмотреть субъективные признаки кражи; определить квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи; проанализировать отграничение кражи от смежных составов преступлений.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика хищения имущества.....	6
1.1 Понятие и признаки хищения имущества.....	6
1.2 Общая характеристика предмета преступления при хищении	12
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика кражи	18
2.1 Объективные признаки кражи	18
2.2 Субъективные признаки кражи	25
2.3 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи.....	32
Глава 3 Отграничение кражи от смежных составов преступлений	44
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников	58

Введение

Актуальность темы, выбранной для исследования, связана с тем, что кража чужого имущества является самым распространенным преступлением, ответственность за которое предусмотрена действующим Уголовным кодексом РФ [60], и представляет повышенную степень общественной опасности для экономических интересов граждан нашего государства. Так, согласно данным статистической отчетности МВД РФ о состоянии преступности в РФ за 2017 – 2019 г., снижение регистрируемых преступлений отмечено в 73 субъектах Российской Федерации. Органами внутренних дел выявлено 92,9% всех зарегистрированных преступлений, из них на стадиях приготовления и покушения 4,2%, это 65,8 тыс. преступлений. Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 752,8 тыс. преступлений, что составляет 81% всего массива предварительно расследованных преступлений [36].

При этом, анализ практики показывает, что в современных условиях определенную трудность вызывают вопросы определения состава кражи, квалификации по отдельным квалифицирующим признакам кражи, отграничение кражи от смежных составов преступления и иных деликтов, таких как ненасильственные хищения, мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, а также временного незаконного завладения чужим имуществом, присвоения найденного имущества.

Отсутствие стабильности в правоприменительной практике в связи с регулярными изменениями в уголовном законе, также вызывают определенные трудности в правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Вышесказанное подтверждает актуальность темы исследования данной выпускной квалификационной работы, ее практическую значимость.

Целью исследования данной выпускной квалификационной работы является изучение понятия и проблемных вопросов уголовно-правовой характеристики кражи (ст. 158 УК РФ).

С учетом данной цели были поставлены следующие задачи:

- определить понятие и признаки хищения имущества;
- дать общую характеристику предмета преступления при хищении;
- рассмотреть объективные признаки кражи;
- рассмотреть субъективные признаки кражи;
- определить квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи;
- проанализировать отграничение кражи от смежных составов преступлений.

Объектом исследования данной выпускной квалификационной работы являются общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правовой борьбы с кражами чужого имущества в Российской Федерации.

Предметом исследования являются российские уголовно-правовые нормы о краже, научные труды исследователей данного вопроса, материалы правоприменительной практики в сфере реализации уголовной ответственности за кражу.

Теоретическую основу исследования составили положения, выработанные теорией уголовного права, представленные научными трудами Альханова Н.М., Кравцова Р.В., Сорокина А.И., Богданчикова С.В., Скобиной Е.А., Шишкиной С.А. и других авторов.

Методологической основой исследования выступают современные общенаучные и частно-научные методы познания. Используются и другие методы, например, сравнительно-правовой, системно-структурный, методы анализа и синтеза.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика хищения имущества

1.1 Понятие и признаки хищения имущества

Термин «хищение» объединяет в себе относительно однородную группу посягательств на отношения собственности, каждому из которых присущи определенные общие признаки, одинаковые объективные и субъективные элементы. Как справедливо отмечает Ю.И. Ляпунов, «общее понятие хищения является своеобразным законодательным ориентиром, который, в свою очередь, становится общеобязательным, дающим возможность оценивать частные вопросы, когда необходимо квалифицировать преступление, а также позволяющий постичь индивидуально-определенные признаки совершенного деяния, и сопоставить их с нормой уголовного закона. Общее понятие хищения возможно с полной уверенностью оценить, как нужный и полезный инструмент для постижения подлинной правовой и антисоциальной природы корыстных посягательств на собственность, а, равно как и высоконадежный помощник работнику суда, следствия, прокуратуры и органа дознания в их деятельности, связанной с применением уголовного законодательства. Точное определение данного понятия дает возможность более подробно уяснить суть общепасного деяния, правильно его квалифицировать, а кроме этого отграничить хищение от иных преступных посягательств» [14, с. 317]. Необходимо отметить, что длительное время дефиниция хищения отсутствовала в законодательстве, а само понятие этого термина было представлено только в уголовно-правовой науке, при этом, и оно не было общепризнанным. Основные споры велись относительно сущности хищения. Предлагались различные подходы к определению понятия хищения. В частности, оно рассматривалось как изъятие имущества, или как завладение имуществом, либо как обращение имущества и т.д. [6, с. 701]

Действующий УК РФ ввел определение данного понятия в Примечании 1 к ст. 158: «под хищением понимаются совершенные с

корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Таким образом, легальное определение хищения чужого имущества вводит юридический термин, характеризующий форму изъятия имущества помимо воли собственника. Вместе с тем, в настоящее время, довольно часто возникает вопрос о недостатках законодательного определения хищения и необходимости дальнейшего совершенствования его уголовно-правовой дефиниции. В связи с этим, учеными высказываются различные точки зрения относительно того, каким должно быть наиболее корректное определение хищения в нормах уголовного законодательства [61, с. 122]. Так, можно отметить, что законодатель, закрепив уголовную ответственность за хищение чужого имущества, практически не отразил нормативное содержание всех элементов, входящих в данное понятие, зафиксировал бланкетный характер юридической техники. Подобное нормотворческое конструирование породило различные спорные интерпретации и ошибки в применении уголовного закона.

Одно из направлений, связанных с совершенствованием легальной дефиниции хищения, связано с необходимостью исключения лишних признаков в составе данной группы преступлений. Можно указать, что хищение совершается с целью получения имущественной выгоды, так как противоправная имущественная выгода может быть получена и без обращения имущества в свою пользу за счет противоправного использования владельцем чужого имущества. В связи с этим, нет необходимости законодательного включения в определение хищения указания на то, что при хищении изъятие и обращение предмета хищения могут быть совершены в пользу других лиц.

Также, необходимо отметить, что в современной уголовно-правовой науке выработаны новые подходы к определению хищения. Так, О.А. Солина определяет хищение как противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, связанное с его изъятием от собственника или владельца и

причинением ему ущерба, в целях распоряжения этим имуществом по усмотрению виновного [58, с. 343]. И.П. Долгих, Д.В. Шебанов под хищением понимают совершенное из корыстных мотивов и повлекшее для собственника или иного владельца ущерб, посредством изъятия чужого имущества [19, с. 25]. Существует и точка зрения, отрицающая необходимость законодательного закрепления понятия хищения. Например, Х.Ш.М. Алханов считает, что закрепление в УК РФ понятия хищения усложняет как уголовно-правовые нормы, так и процесс их применения [1, с. 25]. Свое мнение данный автор объясняет производным характером этой дефиниции, ее зависимостью от таких составов преступлений, как кража, грабеж, разбой и др.

Вместе с тем, согласиться с таким решением нельзя. Законодательная дефиниция хищения имеет очень важное значение в первую очередь для правоприменителя. Она должна закреплять все основные общие признаки этого вида противоправного деяния и объединять собой корыстные преступления, посягающие на собственность способами, связанными с изъятием имущества. При удачной законодательной формулировке эта задача может быть легко решена. До тех же пор, пока нормативная дефиниция допускает разночтения и неоднозначное толкование, в правоприменительной деятельности не будет единства и будут допускаться судебные ошибки в квалификации деяний.

Будет правильно, если рассматривать термин «хищение» в рамках одной главы УК РФ, а именно главы 21 «Преступления против собственности», охраняющей общегражданские права собственников. Ограничение сферы применения этого термина должно прямо закрепляться в Примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Распространение понятия хищения на другие составы дезориентирует правоприменителя. Особенно, когда речь идет о предмете, имеющем ограниченный гражданский оборот, либо вообще изъятых из оборота.

Очевидно, что похищение ядерных ресурсов, материалов или радиоактивных веществ, предусмотренное ст. 221 УК РФ, похищение оружия

или боеприпасов, а также взрывчатых веществ и взрывных устройств, предусмотренное ст. 226 УК РФ, либо похищение наркотических средств, отнесенных к наркотическим или психотропным веществам, в соответствии со ст. 229 УК РФ, принципиально отличается от хищения имущества, находящего в гражданском обороте. По всей видимости, применительно к этим составам следует говорить не о хищении, а о каком-либо ином способе изъятия этих предметов.

Г.Р. Валитова выделяет следующие основные признаки хищения: хищение всегда связано с чужим имуществом (предметом хищения является имущество); с объективной стороны хищение представляет собой изъятие и (или) обращение имущества в пользу других лиц, помимо воли собственника; хищение всегда преследует корыстные цели; хищение всегда причиняет ущерб собственнику или владельцу имущества» [11, с. 127].

Помимо обозначенных признаков хищения, в уголовно-правовой науке бытует мнение о существовании так называемых дополнительных признаков. Ряд исследователей в качестве признака выделяют умышленный характер этого деяния [58, с. 344]. Другие исследователи в качестве признака выделяют незаконность или противоправность этого деяния [22, с. 190]. Вместе с тем, рассматривать данные обстоятельства в качестве признаков хищения не совсем корректно, так как эти признаки характеризуют не столько хищение, сколько любой состав преступления. В этом смысле, это универсальные признаки, характеризующие любое умышленное преступление, а не только хищение.

Согласно законодательному определению, для хищения необходимо, чтобы имущество было сначала изъято от собственника, а затем обращено в свою пользу или пользу других лиц. Однако, союз «и (или)» означает, что хищение возможно и без изъятия, только посредством обращения чужого имущества в пользу третьих лиц. В связи с этим возникает необходимость определиться с понятиями «изъятие» и «обращение».

Изъятие означает исключение, удаление, устранение у кого-либо или из

чего-либо. Изъятие предмета, объекта всегда связано с его перемещением в пространстве, изменением места нахождения или расположения. Можно сказать, что изъятие предполагает перемещение объекта из одного места в другое [24, с. 43].

Термин «обращение» имеет более сложное семантическое употребление. Существует несколько значений этого слова:

- процесс действия по значению глагола – обратиться, обратиться, обращаться;
- состояние по значению глагола – обратиться, обращаться;
- процесс обмена, оборота, движения товаров или ценностей; нахождение в употреблении, в действии;
- действия, поступки по отношению к кому-либо, или поведение, манера держаться в обществе;
- употребление, пользование;
- просьба, призыв к кому-либо в устной или письменной форме.

Очевидно, что из этого семантического многообразия в уголовно-правовых целях применяется третий вариант значения слова – процесс движения товаров или ценностей в пользу субъекта преступления или иных лиц. Интересно, что обращение в свою пользу в энциклопедических словарях рассматривается как синоним термину «присвоение». Исходя из этого, можно сделать вывод, что изъятие и обращение, предусмотренное в дефиниции хищения, образуют единый комплекс действий, охваченный умыслом субъекта преступления и следовательно это словосочетание можно трактовать как отобрание предмета от собственника, его перемещение в другое место и передача предмета в свою пользу или пользу других лиц, т.е. присвоение ими похищенного предмета.

Необходимо отметить, что действующий УК РФ выделяет следующие формы хищения: тайное хищение – кража, характеризуемая тайным способом изъятия имущества; обманное хищение – мошенничество, характеризуемое обманным способом изъятия имущества; присвоение – это завладение

имуществом, вверенного виновному; растрата – это потеря имущества, вверенного виновному; открытое хищение без применения насилия – грабеж, предусмотренный ч. 1 ст. 161 УК РФ; открытое хищение с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего – грабеж, предусмотренный ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Большинство исследователей включают в этот перечень и разбой, рассматривая его как отдельную форму хищения. Однако не все авторы с этим согласны. Так, по мнению В.В. Хилюты, нормативная конструкция разбоя не позволяет его рассматривать в качестве формы хищения, прежде всего ввиду его формального состава [65, с. 99]. Развивая эту мысль, Е.И. Гринченко отмечает, что нельзя согласиться с тем, что отношения собственности выступают основным объектом разбоя, а здоровье человека – его дополнительным объектом [17, с. 140].

К сожалению, такие споры не беспочвенны. До тех пор, пока законодатель не предоставит легального определения понятия и форм хищения, не только в уголовно-правовой науке, но и в практической деятельности будут возникать трудности в определении составов хищения. Отсутствие в законе ясного определения форм хищения затрудняет решение многих вопросов квалификации хищения. Есть все основания рассматривать разбой в качестве отдельной формы хищения. Несмотря на то, что одним из объектов посягательства при разбое является жизнь или здоровье человека (независимо от того, считаем мы этот объект основным или дополнительным), следует признать, что данный объект является промежуточным, предварительным и непосредственно связан с другим объектом – собственностью, и предметом любого хищения – имуществом. В отличие от других форм хищения, при разбое меняется характер и способ преступного посягательства. Если при краже, присвоении или растрате посягательство происходит втайне от потерпевшего; при мошенничестве – в завуалированной, обманной форме; при грабеже – открыто, в очевидной для потерпевшего форме; то при разбое посягательство на собственность происходит также

открыто, т.е. с одной стороны, оно очевидно для потерпевшего, но, с другой стороны, посягательство на собственность осуществляется опосредованно, через насильственное воздействие на психику или тело потерпевшего с целью принудить его к передаче имущества либо довести потерпевшего до беспомощного состояния и изъять имущество.

В целом, проведенное в данном параграфе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Законодатель, закрепив уголовную ответственность за хищение чужого имущества, практически не отразил нормативное содержание всех элементов, входящих в данное понятие, зафиксировал бланкетный характер юридической техники. Подобное нормотворческое конструирование породило различные спорные интерпретации и ошибки в применении уголовного закона. Признаками хищения являются: корыстная цель, противоправность, безвозмездность изъятия, чужое имущество, обращение его в пользу виновного или других лиц, причинение вреда собственнику. В современных условиях, необходимо пересмотреть систему обязательных признаков хищения, исключив из них те, которые дублируют друг друга или содержат противоречия. Критерием выделения форм хищения является способ хищения, а критерием видов хищения – размер похищенного. Отсутствие в законе ясного определения форм хищения затрудняет решение многих вопросов квалификации хищения.

1.2 Общая характеристика предмета преступления при хищении

Хищение является посягательством на право собственности, соответственно, составы преступлений, относящихся к хищениям, принадлежит к предметным преступлениям. Соответственно, предмет в данных составах имеет ключевое значение.

Именно проблемы, связанные с предметом, играют большую роль при квалификации таких преступлений, когда, допустим, преступник забрался в

квартиру путем взлома и был пойман, не успев ничего похитить. Покушение на какое имущество ему тогда вменять? Говоря о предмете необходимо, также сказать, что, предметом имущественных преступлений не могут быть объекты, воздействие на которые не нарушает отношений собственности или по поводу которых вообще невозможны отношения собственности.

Уголовно-правовое значение определения предмета хищения многообразно: его стоимость позволяет отграничить административное правонарушение от уголовного преступления, либо вообще сделать вывод о малозначительности деяния; предмет, обладающий специфическими свойствами (например, особая историческая ценность), предопределяет иную квалификацию; некоторые специальные предметы хищения (например, наркотические средства, огнестрельное оружие и т.д.) влияют на квалификацию, причем при этом меняется и основной объект (не собственность, а общественная безопасность, здоровье населения и т.д.); размер и стоимость похищенного (значительный ущерб, крупный или особо крупный размер).

Как отмечает И.Д. Борисов, «в теории уголовного права и на практике выработана система признаков предмета хищения, который должен обладать: вещным признаком, то есть иметь определенную физическую форму; экономическим признаком, то есть иметь объективную экономическую ценность; социальным признаком, то есть быть объектом, в которые вложен труд человека; юридическим признаком, то есть находиться в чьей-либо собственности, законном владении и являться для виновного чужим» [9, с. 43].

А.Ю. Буравцова отмечает, что «вещный признак предмета хищения подразумевает, что предметом хищения могут быть только вещи материального мира. Имущество, которое не имеет материального признака, например, интеллектуальная собственность, электрическая энергия, компьютерная информация, не может быть предметом хищения. В первую очередь, это следует из правомочий собственника. (п. 1 ст. 209 ГК РФ), суть которых обуславливается по большей части натуральными особенностями

объекта (объемом, количеством, числом, весом и т. д.), другими словами, вещными свойствами. Исходным для права собственности будет являться правомочия владения, как физического обладания вещью, от которого по сути другие правомочия собственника (пользование и распоряжение) находятся в зависимости. Право владения может реализовываться только в отношении материальной вещи, которая занимает место в пространстве и ограничивается им» [10, с. 11]. Согласно ст. 128 ГК РФ [16], к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права. В ст. 130 ГК РФ сказано, что вещи бывают движимые и недвижимые. Остается не ясным вопрос: могут ли выступать предметом хищения недвижимые вещи? В примечании к статье 144 УК РСФСР (в ред. ФЗ от 1 июля 1994 г.) было четко указано, что предметом хищения может быть только движимое имущество, а за неправомерное завладение недвижимым имуществом уголовная ответственность наступала по ст. 148-2 УК РСФСР, причем, данное деяние было лишено признаков хищения, однако, в действующем УК РФ законодатель не дает точного определения по этому вопросу.

Спор об этом ведется и среди ученых. Так, например, ряд исследователей считают, что недвижимое имущество не может быть признано предметом хищения [38, с. 419]. Однако, данная точка зрения может подвергаться критике. Очевидно, что содержание понятие имущества в гражданском праве существенно отличается от таких же понятий в уголовном праве.

Экономический признак предмета хищения подразумевает то, что предметом хищения может быть только вещь, имеющая определенную экономическую ценность, иными словами она должна удовлетворять человеческие потребности (будь то духовные, материальные и любые другие), иными словами, идет речь о полезности вещи для субъекта. Как отмечает Р.А. Забавко, А.В. Чернов, «не имеет значение при этом, будут ли эти

потребности признаны полезными для общества, будут ли одобряться им. Так, эротические журналы или предметы удовлетворяют сексуальные потребности отдельных людей, в том числе потребности, выходящие за рамки общепризнанных норм, - патологические потребности, которые с точки зрения общества являются не допустимыми и едва ли считаются полезными. В свою очередь, указанные предметы обладают материальной ценностью, и хищение их будет квалифицироваться в соответствии с законом» [24, с. 88].

В случае, когда вещь утрачивает свои полезные свойства, она приходит в негодность и, как правило, теряет свою материальную значимость. Соответственно, говорить об имуществе как о предмете хищения в данной ситуации категорически нельзя. Важным элементом материальной значимости имущества является определение его ценности. Обычно такая ценность выражается в денежной оценке. Так, изъятые против воли собственника, например, блокнот, чистый лист бумаги, прищепка для белья, примитивная зажигалка, или простая шариковая (гелиевая, иная) ручка, и т.п., будут иметь свою цену. Но поскольку стоимость этих предметов слишком мала, она будет решающей при отграничении уголовно-наказуемого деяния от административного правонарушения, так как непосредственно скажется на наказании и характере ответственности в целом. Так, согласно п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», при определении стоимости похищенного имущества следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления, а при отсутствии сведений о цене стоимость похищенного может быть установлена на основании заключения экспертов [39].

Социальный признак предмета хищения подразумевает под собой «вещи, обособленные из естественного природного состояния» [9, с. 45]. Помимо этого, в вещь должна быть заложена меновая стоимость, представляющая собой вложенный в нее труд человека. Это позволяет отграничить составы хищений и некоторых экологических преступлений.

Проще говоря, если природные объекты отделены из природной среды, то они будут являться объектом хищения.

Прежде чем выделять эти два элемента имущества, необходимо определить, в чей же собственности оно находится, и кто обладает всеми правомочиями на него (первый элемент юридического признака). Только после этого можно будет говорить о втором элементе данного признака и соответственно понять для кого же данное имущество будет являться чужим, а кто им будет обладать на законных основаниях.

Здесь можно говорить о трех возможных составляющих, определяющих правовое положение имущества. Первое, когда имущество не является собственностью виновного и соответственно автоматически будет для него чужим, т.е. он не имеет ни действительного, ни даже предполагаемого права на это имущество. Второе имущество является собственностью виновного, но на данный момент находится не в его владении в силу различных причин, соответственно в данной ситуации говорить о том, что имущество является для него чужим просто нельзя. Совершение какого-либо посягательства в отношении собственного имущества не нарушает отношений собственности. В том случае, если субъект изъял имущество, на которое он, по его мнению, имел право в его действиях хищение отсутствует и можно вести речь о таком преступлении как самоуправство [48]. Отсюда следует, что завладение имуществом, на которое субъект имеет право не является хищением, даже если оно совершено одним из способов, указанных в законе. Третье, имущество является совместной собственностью виновного и третьих лиц, соответственно в данном случае опять же нельзя говорить о том, что имущество для виновного является чужим.

Здесь ситуация достаточно неоднозначная. Ряд авторов полагают, что находящееся в совместной собственности с потерпевшим имущество следует признавать чужим для виновного. В том случае, если какое-либо имущество является совместной собственностью нескольких лиц, при изъятии его одним из «сособственников» и использовании по своему усмотрению, данное деяние

будет содержать признаки хищения, на том основании, что остальные лица не могут вследствие этого акта пользоваться законно принадлежащим им имуществом, чем ущемляются их имущественные права и интересы [65, с. 35]. Другие же исследователи считают, что тайное изъятие личного имущества, находящегося в общей совместной собственности, хищения не образует [38, с. 420].

Можно согласиться с данной позицией, так как, согласно ст. 256 ГК РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, по общему правилу, является их совместной собственностью, а значит не является для них чужим и соответственно распоряжение этим имуществом в ущерб семьи не может образовывать хищения. Некоторые ученые высказывают точку зрения, что выделение данного признака ошибочно и его следует исключить из легального определения хищения [30, с. 85]. Можно согласиться с данной позицией, так как, похитить свое имущество нельзя. Вместе с тем, несмотря на это, в статьях о преступлениях против собственности содержатся тавтологические добавки, а именно, к понятию «хищение» (что само по себе означает завладение чужим имуществом) добавлено слово «чужого».

В целом, можно сформулировать следующие выводы: правильное определение предмета хищения имеет особое значение для квалификации содеянного. Во многих случаях, именно правильное установление предмета хищения позволяет разграничить сходные по иным признакам составы посягательств; с учетом обязательности четырех признаков предмета хищения (материального, социального, экономического и юридического) можно дать следующее определение предмета хищения - предметом хищения является предмет материального мира, к которому был приложен человеческий труд, обладающий определенной стоимостной ценностью и являющийся чужим по отношению к лицу, завладевшему им.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика кражи

2.1 Объективные признаки кражи

Объективные признаки основного состава кражи включают ее объект и объективную сторону. Закон определяет кражу как «тайное хищение чужого имущества» (ст. 158 УК РФ). Законодательное определение подчеркивает, во-первых, что кража является формой хищения, следовательно, ей присущи все объективные и субъективные признаки хищения, рассмотренные выше. Во-вторых, определяющим признаком кражи как формы хищения является тайный способ совершения преступления.

Родовым объектом кражи являются общественные отношения, складывающиеся в сфере российской экономики, которые охраняются нормами раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Эти отношения возникают в сфере экономики в связи с производством, распределением, обменом и потреблением благ – товаров, работ, услуг. Если лицо не нарушает взятые под охрану уголовного закона общественные отношения, то в его действиях (бездействии) не содержится состава преступления. Поэтому родовой объект имеет большое значение для квалификации преступлений и их разграничения [2, с. 120].

Видовой объект входит в родовой объект и представляет собой подгруппу сходных по содержанию общественных отношений, интересов и ценностей одного вида. По видовым объектам преступных посягательств сформированы главы, определены их наименования в рамках соответствующих разделов Особенной части УК РФ. Видовым объектом хищения, исходя из названия главы 21 УК РФ, признается «собственность», а точнее имущественные отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением материальными благами субъектами этого права.

Что касается непосредственного объекта - это часть родового объекта, те общественные отношения, на которые посягает определенное

преступление. Он определяет специфику отдельных преступлений. Исходя из конституционного принципа равной охраны всех форм собственности, непосредственным объектом кражи может выступать государственная, муниципальная, частная или иные формы собственности. В краже с квалифицирующими признаками предусмотрены непосредственные дополнительные объекты. Это отношения, обеспечивающие частную жизнь человека - неприкосновенность его жилища (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ); отношения, обеспечивающие нормальное функционирование объектов нефтегазотранспортных магистралей (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Объективная сторона кражи характеризуется следующими признаками: общественно опасным деянием; его общественно опасными последствиями; причинной связью между деянием и наступившими последствиями; способом совершения преступления. Общественно опасное деяние при краже выражается в противоправном и безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Необходимо отметить, что такое понятие, как «изъятие» законодателем не раскрыто, что оставляет возможность вкладывать исследователям в это определение разный смысл. Так, Н.Н. Рогова считает, что изъятие означает его перевод из владения собственника или иного владельца в фактическое обладание виновного [53, с. 59]. По мнению Р.А. Забавко, изъятие – исключение имущества из владения собственника или законного владельца [23, с. 44]. Также ряд ученых утверждает, что при совершении хищения имущество изымается из обладания собственника или лица, в ведении или под охраной которого оно находится [52, с. 74].

Изъятие имущества при краже сопровождается обращением его в свою пользу или пользу других лиц, то есть укравший имущество владеет, пользуется и распоряжается имуществом, как своим, ставит себя на место собственника, однако, собственником он не становится. Изъятие и обращение имущества в свою пользу происходит, как правило, одновременно, совершаются одним действием.

Важно подчеркнуть, что понятия «изъятие» и «обращение» отличны друг от друга, имеют собственное содержание, находятся в тесной связи и взаимно дополняют друг друга. Они указывают на то, что виновный неправомерно изымает материальные ценности из имущественной сферы другого лица, тем самым нарушая существующую социальную связь - отношение собственности, переводит чужое имущество в свое обладание, придавая своим действиям внешне законную форму. Поэтому указанные термины наиболее пригодны для характеристики объективной стороны кражи как формы хищения. В п. 2 и 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39] содержатся дополнительные разъяснения о содержании признаков хищения чужого имущества. Как тайное хищение (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества. Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не признает противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества. Если перечисленные лица принимали меры к пресечению хищения чужого имущества (например, требовали прекратить эти противоправные действия), то ответственность виновного за содеянное наступает по ст. 161 УК РФ - грабеж.

Таким образом, тайный способ, присущий краже, предполагает: совершение кражи в отсутствие собственника, иного владельца этого имущества и посторонних лиц. Как правило, в эту категорию тайности входят

квартирные кражи, кражи из помещений и хранилищ, когда виновный стремится к изъятию чужого имущества без визуального контакта с кем бы то ни было; совершение кражи в присутствии собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц, но незаметно для них. Этот вариант тайности присущ карманным кражам; совершение кражи заметно для собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц, однако виновный при этом полагал, что действует тайно. В подобных случаях потерпевший не противодействует хищению, опасаясь расправы со стороны преступника, а посторонние лица не обнаруживают происходящее в силу испуга либо в силу безразличия; совершение кражи в присутствии собственника, иного владельца или посторонних лиц, но не осознающих характера совершаемых действий в силу малолетства, психического заболевания, состояния опьянения, сна; совершение кражи в присутствии лиц, наблюдающих факт изъятия имущества, но считающих, что виновный действует правомерно и является собственником имущества в силу их неведения о принадлежности этого имущества. Например, владелец сумки заснул в электричке, а напротив сидящий человек решил воспользоваться ситуацией и похитить ее, посторонние при этом лица видели, как субъект взял эту сумку и удалился с ней, полагая, что она принадлежит ему и действует он правомерно; совершение кражи в присутствии каких-либо лиц, наблюдающих действия преступника и правильно оценивающих их, но не препятствующих хищению в силу родственных, приятельских, близких отношений с преступником.

Еще одним признаком кражи является безвозмездность. Безвозмездность имеет место при отсутствии адекватного возмещения стоимости изъятого имущества. Следует учитывать, что наличие адекватного (эквивалентного) возмещения само по себе не превращает противоправное изъятие и (или) обращение в правомерное. Просто при наличии такого возмещения отсутствует состав хищения, что не исключает квалификации содеянного по иным статьям УК РФ, если имеются все признаки состава

какого-либо из этих преступлений. Во многих случаях возмездное изъятие и (или) обращение даже при отсутствии договора с хозяином имущества вообще не влечет уголовной ответственности. Например, гражданин присвоил взятую напрокат вещь, при получении которой он внес в залог денежную сумму, покрывающую стоимость имущества.

Основным признаком объективной стороны кражи является ненасильственный характер посягательства. Данный признак специально не выделяется ни в ст. 158 УК РФ, ни в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, между тем, анализ статей, посвященных хищениям позволяет сделать вывод, что именно ненасильственный характер является легальным критерием отграничения кражи от иных форм хищения, в частности, разбоя. Как сказано в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39], в том случае если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, и прибегает к насилию, содеянное следует квалифицировать как грабеж или как разбой. Негативные последствия в качестве объективного признака кражи состоят в причинении ущерба собственнику или иному владельцу имущества в момент окончания хищения.

По мнению, выраженному в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, кража считается оконченной, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Вместе с тем, исследователи утверждают, что на данный момент правоприменитель определяет этот момент крайне неоднозначно, поскольку зачастую он основан на оценочных понятиях и указанное разъяснение норм УК РФ Пленума Верховного суда РФ также нуждается в дополнительных пояснениях [68, с. 180]. В результате при применении уголовного закона, одинаковые ситуации нередко оцениваются по-разному.

Во временном контексте выделяется четыре концепции окончания

кражи: «концепция изъятия» (кража окончена, когда предмет преступного посягательства изъят из законного владения лица); «концепция завладения» (похищенное имущество перешло в обладание преступника); «концепция уноса» (окончание кражи связывается с моментом выноса похищенного имущества из помещения, в котором это имущество находилось); «концепция распоряжения» (момент окончания хищения связывается с приобретением злоумышленником возможности распорядиться похищенным имуществом - современное понимание).

Для устранения противоречий, возникающих при определении момента окончания кражи, необходимо учитывать следующие свойства похищенных вещей. Так, при краже вещей небольшой массы или объема (в небольшом количестве), когда есть возможность спрятать похищенные вещи в одежде, на теле, в сумке, преступник получает возможность распорядиться похищенным уже в здании, продав кому-либо указанное имущество прямо на территории совершения преступления, выйти через любой доступный выход, спрятав указанное имущество для обеспечения беспрепятственного выхода с территории. Кража имущества больших размеров или в значительных объемах, как правило, связана с определенными трудностями в транспортировке, соблюдении признака тайности, последующей реализации. В такой ситуации преступник нередко работает с соучастниками, среди которых может быть сотрудник охраны, водитель и т.д. И уже в этом случае возможность распорядиться таким имуществом появляется после вывоза указанного имущества за пределы здания или охраняемой территории, где находилось украденное имущество.

Возможность распорядиться похищенным имуществом возникает у преступника только в тот момент, когда похищенное имущество находится за пределами здания, помещения, территории, в котором это имущество находилось. Именно поэтому неудавшиеся (пресеченные) попытки вынести похищенные вещи должны быть квалифицированы правоприменителем как покушение на кражу. В случае же, когда злоумышленник реализует

украденное имущество в помещении, здании, на охраняемой территории, тогда указанное деяние квалифицируется как оконченная кража. Опираясь на указанное предложение, было бы логичным квалифицировать сокрытие украденного имущества в помещении, здании, объекте или на охраняемой территории как покушение на кражу. Главная проблема заключается в том, что момент, когда виновный получает ту самую возможность распорядиться похищенным имуществом правоприменитель определяет самостоятельно в каждом конкретном случае с учетом многих обстоятельств. Среди таких обстоятельств необходимо учесть место нахождения имущества, время суток, погодные условия и еще множество факторов, которые могут повлиять на совершение преступления. Таким образом, проблема разграничения оконченного преступления и покушения до сих пор является актуальной и в литературе есть разные понимания момента окончания преступления.

Наиболее предпочтительной является, все-таки, концепция изъятия. Для состава хищения в конце концов важно не то, кто получит имущественную выгоду от преступления: сам виновный или другие лица, а то, что собственник (или иной законный владелец) лишается не по своей воле своего имущества. Ряд исследователей считает, что момент окончания кражи требуется пересмотреть, основываясь на положениях Конституции и УК РФ. Учитывая приоритет прав законного владельца имущества, момент окончания кражи должен быть связан не с моментом получения преступником реальной возможности распорядиться похищенными имуществом, а когда такое имущество выбыло из законного владения потерпевшего. В этом и будет выражаться причиненный отношениям собственности ущерб [12, с. 188]. Можно отметить, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о моменте окончания кражи имеют некоторые недостатки, а именно указанное разъяснение не дает четкого определения момента окончания кражи. Пленум Верховного суда РФ раскрывает указанное понятие через момент появления у преступника возможности распорядиться похищенным имуществом, тогда как сам этот момент является оценочным и требует разъяснения. Непосредственно

причинение ущерба собственнику имущества при совершении преступления происходит в момент изъятия такого имущества, т.е. момент, когда преступник может распорядиться похищенным, с ним не совпадает, таким образом, в большей мере учитываются интересы преступника, нежели потерпевшего. Таким образом, хоть момент окончания кражи определен и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ, и правоприменителем, и мнением большого числа исследователей, тем не менее, вопрос до сих пор остается дискуссионным и требует детального рассмотрения.

В целом, можно сформулировать общий вывод, что состав кражи является материальным и включает в себя три обязательных составляющих: тайный способ совершения деяния; последствия этих действий в виде причинения имущественного ущерба наличие причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями. Специфика кражи заключается в способе, который свойственен только ей – это тайный способ изъятия имущества.

2.2 Субъективные признаки кражи

Субъективная сторона кражи характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла, а также корыстной целью. Виновный сознает, что тайным способом, незаконно и безвозмездно изымает чужое имущество, предвидит, что в результате собственнику будет причинен материальный ущерб и желает его причинения указанным способом.

Материалы судебной практики иллюстрируют необходимость акцентировать внимание именно на том, что лицо осознавало противоправность своих деяний. Так, в приговоре Ленинского районного суда, а г. Астрахани зафиксировано: «Действуя в силу возникшего преступного умысла, направленного на тайное хищение чужого имущества, осознавая общественную опасность и преступный характер своих действий, выражающихся в безвозмездном изъятии чужого имущества, с целью личной

наживы, предвидя возможность наступления общественно - опасных последствий в виде причинения значительного ущерба собственнику и желая их наступления, из корыстных побуждений» [42].

Прямой умысел при совершении кражи состоит из двух взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Интеллектуального элемента, который включает в себя осознание виновным принадлежности похищаемого имущества другому лицу, противозаконности своих действий и предвидение возможность или неизбежность причинения ущерба собственнику или иному владельцу данного имущества. Необходимо отметить, что для квалификации кражи не требуется осведомленность виновного относительно принадлежности похищаемого имущества конкретному лицу, достаточно лишь осознание им того, что данное имущество является для него чужим, и он не обладает в отношении него никакими правомочиями. Так как кража является материальным составом, для установления интеллектуального элемента умысла необходимо установить предвидение виновным последствий своего деяния. Применительно к составу кражи виновный не сомневается в том, что он причиняет вред собственнику или иному владельцу похищаемого имущества.

Волевого элемента, который включает желание изъять имущество, принадлежащее другому лицу и тем самым причинить ему соответственный материальный ущерб. Волевой элемент умысла включает в себя желание наступления общественно опасных последствий, а именно причинения собственнику или иному владельцу похищенного имущества соответствующего материального ущерба. Волевой элемент определяет направленность умысла. Как уже было отмечено ранее, последствиями кражи являются не только прямой материальный ущерб, причиняемый собственнику или иному владельцу похищенного имущества, но и незаконное обогащение виновного. Причинение собственнику имущества материального ущерба не является целью преступных действий виновного, а является неизбежным средством на пути к достижению незаконного обогащения. Из данного

положения можно сделать вывод, что виновный желает наступления не только тех последствий, которые угодны ему, но и тех, которые при его внутренне отрицательном к ним отношении представляются ему необходимыми для удовлетворения потребностей, ставших причиной совершения деяния.

На практике, нередко возникают трудности при установлении истинного содержания и направленности умысла виновного при совершении кражи, так как нередко виновный может иметь не конкретизированный умысел. Например – при совершении карманных краж, виновный не знает, что находится у потерпевшего в кошельке. В данных случаях ответственность наступает за фактически причиненный вред в зависимости от размера похищенного имущества, способа, других обстоятельств.

Для решения вышеуказанной проблемы необходимо классифицировать умысел на виды в зависимости от характера содержания: определенный умысел – когда виновный с точностью осознает размер ущерба, причиняемого собственнику похищаемого имущества; неопределенный умысел – когда виновный неточно представляет степень возможного материального ущерба, причиняемого собственнику похищаемого имущества, но не менее суммы, за которую наступает уголовная ответственность за кражу. В подобного рода случаях ответственность наступает за фактически наступившие последствия, в зависимости от способа совершения, размеров похищенного и других обстоятельств. Альтернативный умысел - когда виновный допускает несколько возможных вариантов причинения материального ущерба собственнику похищаемого имущества.

В большинстве случаев совершения кражи умысел имеет определенный характер, так как в большинстве случаев виновный представляет стоимость похищаемого имущества и причиняемый тем самым материальный ущерб собственнику. Необходимо отметить, что сознанием лица охватывается изъятие и обращение указанного имущества в свою собственность или в собственность других лиц. Однако, в данном случае, как и применительно к другим элементам интеллектуального отношения похитителя, возможна

ошибка – лицо может заблуждаться относительно применяемого способа хищения. В частности, субъект, изымающий имущество тайно, может не догадываться о том, что его действия наблюдают посторонние люди. В судебной практике принято, несмотря на такое расхождение умысла и реальной обстановки, оценивать хищение как тайное (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

Обязательный признак субъективной стороны кражи – корыстная цель. т.е. стремление виновного посредством совершения кражи извлечь материальную (имущественную) выгоду, нажиться, распорядиться изъятыми вещами по своему усмотрению. Корыстная цель имеется и в том случае, когда виновный изымает чужое имущество не только для себя лично, но и для передачи другим лицам, в обогащении которых он заинтересован. Например, когда похищается имущество для последующей его передачи родственникам, знакомым виновного, его кредиторам и т. д. Для квалификации хищения не имеет значения последующая судьба похищенного имущества. Виновный может его подарить, выбросить, уничтожить. Главное установить, что в момент изъятия имущества у лица имелась корыстная цель. Не образуют состава хищения противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом без корыстной цели, а, например, с целью временного использования имущества с последующим возвращением собственнику. В зависимости от обстоятельств дела такие действия (при наличии к тому оснований) подлежат квалификации по ст. 330 (самоуправство) либо другим статьям УК РФ. Не имеется корыстной цели у лица, из хулиганских побуждений отнявшего у прохожего мобильный телефон и забросившего вещь в кусты (конечно же, если такое лицо не имело изначального намерения впоследствии подобрать телефон и завладеть им) [7, с. 91]. В то же время, отдельные лица при изъятии чужого имущества в соучастии могут и не иметь корыстной цели, а действовать, например, «за компанию» или в силу служебной зависимости. Они также привлекаются к уголовной

ответственности за хищение, при условии осознания ими характера, совершаемого деяния и осведомленности о том, что другие соучастники действовали при совершении преступления с корыстной целью [52, с. 60]. В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 указано, что не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 или другим статьям УК РФ.

В теории есть мнение о том, что использование в примечании к ст. 158 УК РФ корыстной цели как обязательного элемента, необходимого для квалификации указанного преступления является необоснованным. В практике часто встречаются случаи, когда похищается оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, пусть и в форме тайного хищения, но, тем не менее, не с корыстной целью, а с целью их последующего использования для совершения будущих преступлений или самообороны [59, с. 77].

Субъектом кражи может быть вменяемое лицо (гражданин РФ, иностранец или лицо без гражданства), совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и достигшее к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности. При этом, данное лицо не обладает никакими правами на похищаемое имущество. Ответственность за кражу возможна по достижении возраста 14 лет. При наступлении определенного возраста, человек обретает определенный уровень сознания и может адекватно оценивать происходящее. Усвоение исторически сформировавшихся правил поведения, моральных норм, социальных устоев постигаются с рождения. Поэтому установление ответственности за кражу с 14 летнего возраста обусловлено ее повышенной общественной опасностью,

связанную с достаточно ранним осознанием, что она не законна и не допустима.

За хищение предметов, имеющих особую ценность, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие 16 летнего возраста. Если лицо, не достигшее 16 летнего возраста, однако совершает хищение таких предметов, его деяния квалифицируются по ст. 158 УК РФ. Учитывая, что уголовным законом предусмотрен минимальный возраст уголовной ответственности, то в каждом конкретном случае необходимо установить возраст (число, месяц, год его рождения). Возраст устанавливается как на основании документов, а при отсутствии документов судебно-медицинской экспертизой. При этом, лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток.

В целом, проведенное в данном параграфе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы. С субъективной стороны, кража предполагает наличие у виновного прямого умысла (ч. 2 ст. 25 УК РФ), направленного на преступное завладение чужим имуществом с целью обращения его в свою пользу или передачу с корыстной целью другим лицам. Как сказано в ст. 20 УК РФ, субъектом кражи является физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Как отмечают исследователи, основой решения законодателя об установлении уголовной ответственности за кражу с четырнадцатилетнего возраста являются статистические данные, свидетельствующие о том, что кражи чужого имущества в настоящее время в наибольшей степени распространены среди несовершеннолетних в результате имущественного расслоения населения, что в свою очередь привело к развитию антисоциальной направленности подрастающего поколения [13, с. 167].

Снижение возраста уголовной ответственности за совершение кражи обусловлено спецификой объективной стороны данного преступления. Социальная опасность кражи понятна лицу, достигшему четырнадцатилетнего

возраста. Данное положение обосновывается учеными в области медицины, педагогики, психофизиологии тем, что именно с данного возраста подросток с нормальным уровнем развития, руководствуясь сформировавшимся здоровьем, рассудком, психикой, находится на такой стадии интеллектуального развития, которая позволяет ему осознавать противоправность, общественно опасный характер и значимость для общества, такого преступления как кража чужого имущества, о чем достаточно убедительно свидетельствует правоприменительная практика. Кроме того, в данном возрасте лицо в полной мере способно воздержаться от совершения подобных действий. Таким образом, позиция законодателя о снижении возраста уголовной ответственности за совершение кражи обусловлена как спецификой объективной стороны и распространенностью в среде несовершеннолетних данного преступления, так и психологическим критерием, который заключается в доступности общественной опасности данного преступления для осознания лиц указанного возраста. Кроме этого, установление ответственности за кражу с четырнадцатилетнего возраста ориентирована на предупреждение развития антисоциальной направленности подрастающего поколения [13, с. 167]. Субъект совершения кражи должен быть вменяемым лицом. Вменяемость представляет собой психическое состояние лица, при котором оно осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, может ими руководить и нести ответственность за указанные действия. В случае, когда преступления совершается лицом, не достигшим 14 лет или невменяемым лицом, но по подстрекательству взрослого, вменяемого субъекта, такого подстрекателя следует расценивать как непосредственного исполнителя. Указанное разъяснение содержится в п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39].

Наряду с указанными исключаящими признаками, можно выделить еще один легальный признак, исключаящий признание лица субъектом кражи, а

именно, субъектом кражи может быть только такое лицо, которое не обладает никакими правомочиями в отношении похищаемого имущества. Иными словами, субъектом кражи не может быть лицо, которое имеет полномочия собственника или иного владельца похищаемого имущества. Так, например, тайное изъятие вверенного виновному имущества представляет собой не кражу, а присвоение.

2.3 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи

В ч. 2 ст. 158 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав, устанавливающий ответственность за кражу, совершенную: группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; с причинением значительного ущерба гражданину; из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Квалифицирующий признак «группа или по предварительному сговору» применяется: при наличии, как минимум, двух исполнителей кражи; при этом не менее двух соисполнителей должны обладать общими признаками субъекта (быть физическими лицами, достигшими возраста уголовной ответственности за кражу и вменяемыми); соглашение о совместном совершении кражи (сговор) у соучастников должно состояться до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества (на стадии приготовления к краже) [13, с. 166]. Если лицо лично не совершало акт изъятия чужого имущества, но использовало для этого невменяемого, не достигшего возраста уголовной ответственности либо человека, не осознающего, что он вовлечен в изъятие чужого имущества, то такое лицо признается исполнителем кражи. Указанное разъяснение содержится в п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39].

Квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» имеется и в тех случаях, когда (по предварительной договоренности о

распределении ролей) непосредственное изъятие имущества осуществлял один соучастник, а другой участник кражи оказывал ему непосредственное содействие в этом. Например, лично в чужую квартиру не проникал, но участвовал во взломе ее двери, решеток окна или подстраховывал исполнителя от возможного обнаружения совершаемого преступления (стоял на страже). Указанные действия оцениваются как соисполнительство и квалифицируются без ссылки на ст. 33 УК РФ. Так, Юсипова Е.М., Кузнецова А.Л., Решетников Д.В. и Соловьев В.В., будучи в состоянии алкогольного опьянения, распределив между собой роли, пришли в садовое товарищество ЧППЖТ № 12. Действуя совместно и согласованно, группой лиц по предварительному сговору, умышленно, убедившись, что за их преступными действиями никто не наблюдает, согласно распределенным ролям Решетников Д.В. и Соловьев В.В. подошли к принадлежащему Чекмаревой Н.Г. садовому строению. Соловьев В.В. принесенным с собой ножом демонтировал штапики крепления стекла окна садового строения №71, после чего Соловьев В.В. и Решетников Д.В. незаконно тайно проникли через проем окна в его помещение, а Юсипова Е.М. и Кузнецова А.Л. в это время следили за обстановкой, чтобы их преступные действия, не были обнаружены посторонними гражданами.

Действуя таким образом, Юсипова Е.М., Кузнецова А.Л., Решетников Д.В. и Соловьев В.В. умышленно, группой лиц по предварительному сговору, из корыстных побуждений, тайно похитили из садового строения принадлежащие Чекмаревой Н.Г. 5 метров электрического медного кабеля, стоимостью 30 рублей за один метр, на общую сумму 150 рублей. Все они были осуждены по п.п. «а, б» ч. 2 ст. 158, п.п. «а, б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть, тайное хищение чужого имущества, совершенная группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение [50].

Проникновение заключается в незаконном тайном вторжении в помещение либо иное хранилище с целью совершения кражи. Оно может быть совершено как с преодолением препятствий, так и путем свободного доступа.

Возможно проникновение и без непосредственного вторжения в помещение (например, при извлечении имущества через форточку с помощью специального приспособления). Цель на изъятие имущества посредством проникновения должна сформироваться у виновного заранее (до того, как лицо попадет в помещение либо иное хранилище). Если умысел на кражу возник и был реализован после того, как лицо по каким-либо обстоятельствам оказалось в помещении (хранилище, жилище), признак проникновения не применяется [8, с. 140].

Под помещениями в статьях гл. 21 УК РФ понимаются строения и сооружения независимо от формы собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях (склад, сарай и пр.). К иным хранилищам относятся хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, магистральные трубопроводы, иные сооружения независимо от формы собственности, которые:

- оборудованы ограждением либо техническими средствами или обеспечены иной охраной;
- предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей [8, с. 141].

К иным хранилищам практика относит передвижные автолавки, рефрижераторы, контейнеры, сейфы, охраняемые железнодорожные вагоны, товарные дворы железнодорожных станций, элеваторов, огороженные загоны для скота, охраняемые зерновые токи и т.п. Не признаются таковыми открытые ток, баржа, железнодорожная платформа, если они не имеют специальной преграды свободному доступу к находящемуся там имуществу. Не считаются хранилищем емкости, вместилища, упаковки вещей, бидоны, ящики, портфели, используемые для размещения имущества в качестве тары либо его переноски.

Спорным является вопрос о признании жилым помещением «дома на колесах». Чтобы отнести данный объект к категории жилище, необходимо

учесть факт продолжительности использования его в качестве помещения временного или постоянного проживания. Так, по мнению исследователей, если фургон используется для проживания более двадцати четырех часов подряд, то такое помещение должно признаваться жилищем. Если менее двадцати четырех часов, то фургон не признается жилищем [62, с. 447]. Именно временной промежуток использования фургонов для проживания позволит наиболее эффективно решить проблему отнесения спорных объектов к категории «жилище». Для установления рассматриваемого квалифицирующего признака необходимым является не только установление места, из которого совершено хищение (таким местом может служить помещение или хранилище), но также и установление особого способа действия, а именно – с проникновением к месту хранения имущества.

Так, В., имея умысел на хищение чужого имущества, пришел к строящемуся дому № квартала, где, действуя тайно, умышленно, из корыстных побуждений, с целью незаконного обогащения, разбив окно, найденной им около данного дома лопатой, незаконно проник, через него, в подсобное помещение, расположенное на первом этаже указанного дома, откуда забрал, тем самым похитив, принадлежащее И. имущество [47].

Представляется, что квалифицирующий признак «с незаконным проникновением в иное хранилище» существует в российском законодательстве без четкого определения, и потому часто приводит к ужесточению наказания без оснований. С одной стороны, совершенное хищение имущества с проникновением может говорить о степени общественной опасности такого деяния более высокой, нежели без проникновения. Данное положение подчеркивается в специальной литературе, при этом предлагаются признаки, способствующие отграничению «иного хранилища», в том числе находящегося вне помещения [57, с. 64]. Проблемным в правоприменительной практике остается вопрос истинного определения принадлежности конкретного места к хранилищу, а также установления осознания данного факта лицом, совершившим хищение.

Необходимо отметить, что в судебной практике распространенными являются случаи неверной квалификации кражи в пределах в разграничении неквалифицированного состава (ч. 1) и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ «с причинением значительного ущерба гражданину».

Согласно примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, значительным является ущерб не менее 5000 рублей и определяется он с учетом материального положения потерпевшего. Последний критерий носит неопределенный и оценочный характер, при этом окончательное решение о наличии или отсутствии данного квалифицирующего признака принимается судом.

При разрешении вопроса о наличии данного квалифицирующего признака суд учитывает: стоимость похищенного имущества; сумму ежемесячных совокупных дохода и расходов потерпевшего (и его семьи в целом); субъективное мнение потерпевшего и значимость имущества для получения доходов. Так, по Приговору Курганского городского суда Курганской области от 17 марта 2016 г. Катков А.П. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ за хищение телевизора стоимостью 7 000 рублей, при этом из показаний потерпевшего и материалов дела, исследованных судом (копии справки о заработной плате – 15 000 рублей, квитанций об оплате коммунальных платежей – 4 000 рублей, погашении кредитных обязательств – 3000 рублей) следовало, что ущерб, причиненный хищением потерпевший оценивает как значительный. Вместе с тем, постановлением Курганского областного суда от 4 апреля 2016 года вышеуказанный приговор был изменен, действия Каткова переквалифицированы на ч. 1 ст. 158 УК РФ. В апелляционном постановлении областной суд указал, что, несмотря на материальное положение потерпевшего имущество, похищенное у него, не является вещью первой необходимости, а ее утрата не влечет существенного ухудшения материального положения потерпевшего, не влияет на его доход [4].

В другом случае, Дедов А.Н. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ за совершение кражи набора строительных инструментов у потерпевшего,

единственным источником дохода которого являлась деятельность по установке входных конструкций. Стоимость имущества составила 6 тысяч рублей, ежемесячный доход потерпевшего 14 - 16 тысяч рублей, при коммунальных расходах в 3 тысячи рублей. Признавая ущерб значительным суд указал, что деятельность, связанная с эксплуатацией похищенного у потерпевшего набора инструментов, являлась его единственным источником дохода и средством к существованию [45].

В целом, анализ судебной практики показывает, что если ущерб составил не более 10 000 рублей, при этом похищенное имущество не служило для целей получения дохода, при наличии фактического дохода меньшего, чем стоимость похищенного имущества, либо при отсутствии дохода, признак «значительного ущерба» по мнению судов отсутствует. Вместе с тем, сложившаяся практика представляется нам ущемляющей права потерпевшего, и влекущей назначение несправедливого приговора вследствие чрезмерной мягкости назначенного наказания. Сам по себе факт того, что потерпевший не нуждается в вещи для поддержания своего существования, не умаляет ее стоимости и, следовательно, ущерба причиненного преступлением. Таким образом, в квалификации кражи, которая причинила ущерб потерпевшему, субъективное отношение к последствиям имеет особое значение, поскольку виновный, совершивший кражу, должен понять, насколько потеря имущества влечет за собой ухудшение финансового положения жертвы. Но может быть ситуация, в которой виновный ошибается в отношении ценности похищенного человека. В этом случае, путаница субъекта о количественных характеристиках квалификации не влияет, если сумма вреда находится в пределах ошибки.

Квалифицирующий признак «кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», типичен при совершении хищений ворами-карманниками. При этом, ответственность наступает, как разъясняет Верховный суд РФ, «за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо

совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака. Нахождение имущества при потерпевшем означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь, из которых совершается хищение этого имущества, находятся на потерпевшем, в его руках или непосредственной близости от потерпевшего» [39].

В правоприменительной практике дискуссионным является вопрос относительно квалификации краж из одежды или ручной клади, находившихся при потерпевшем. Правоприменительные органы по-разному оценивают ситуации, связанные с завладением чужого имущества из одежды спящего или мертвого человека. Одни считают, что это обычная кража (ч. 1 ст. 158 УК РФ), другие - квалифицированная (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ) кража из одежды. Подобная квалификация обосновывается тем, что если человек «идет на карманную кражу или кражу из сумки, то он идет на осознанный риск того, что может быть обнаружен и пойман. При этом не имеет значения, находится жертва кражи в сознании или спит. Ведь в любой момент спящий может проснуться, и поэтому риск, на который пошел преступник, не исчезает и не становится меньше». В такой ситуации хищение имущества у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, спящих или умерших, — такое же опасное, как и подобное хищение у трезвых, бодрствующих или живых [56, с. 261]. Это правоположение нашло свое отражение и поддержку в п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в абзаце третьем которого сказано: «особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т. п.) значения для квалификации преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения». Логика квалификации краж из одежды, сумки или другой ручной

клады Верховного Суда РФ неоднозначна, так как если преступник забирает из кармана спящего человека мобильный телефон, то это квалифицированная кража, а если снимет с такого же спящего ручные часы, то это уже простая кража, так как завладение не происходит из одежды, сумки или другой ручной клади.

Можно сделать вывод, что кража, совершенная из сумки, одежды или другой клади, находившейся при потерпевшем, и кража, когда указанные вещи не были в непосредственном физическом обладании потерпевшего, но оставались под его личным присмотром и контролем, должны квалифицироваться одинаково. По ч. 3 ст. 158 УК РФ, наказуема кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, а также совершенная из нефтепровода, нефтепродуктовода, газопровода либо в крупном размере (на сумму более 250 тыс. рублей) и с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ). Эта квалификационная особенность объединяет два общих условия - место, где было совершено преступление, и предмет хищения - нефть, нефтепродукты, газ. Особенность способа совершения большинства этих действий заключается в том, что производится несанкционированная вставка в трубопровод, а затем газ или масло используются по своему усмотрению. Например, известно, что масло, таким образом, закачивается в маслопогрузочные машины, берется для переработки, что приводит к продаже очень низкого качества бензина. Таким образом, предметом кражи в этом случае являются энергетические ресурсы, нефть, нефтепродукты и газ, которые имеют юридические и экономические характеристики, поскольку они находятся в собственности физического или юридического лица, имеют определенную физическую форму, стоимость и имеют экономическую стоимость.

Признак незаконного проникновения в жилище порождает немало ошибок в квалификации. Сам по себе факт того, что виновный ранее находился в помещении или жилище на законном основании, состоит в

родственных или дружеских связях с потерпевшим не исключает наличия квалифицирующего признака. Так, Чуев А.К. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ за совершение кражи инструментов из сарая своей сестры. Из материалов дела, усматривается, что Чуев ранее был в сарае, знал, какое имущество в нем находится, а также где оно расположено, однако потерпевшая не давала разрешения своему брату входить в сарай, пользоваться ее имуществом в ее отсутствие и распоряжаться им, совместного хозяйства они не вели, долговых обязательств она перед ним не имела [46].

Кроме того, действия виновного квалифицируются по-разному в зависимости от характера помещения, из которого совершена кража в зависимости от его пригодности для проживания. Так, в апелляционном представлении по делу в отношении Кобзякова Е.М. государственный обвинитель указывал, что суд первой инстанции необоснованно квалифицировал действия Кобзякова по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, просил переквалифицировать их на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, указывая, что жилой дом был сдан в эксплуатацию, квартира была оснащена газо-, водо-, электроснабжением и пригодна для проживания. Суд апелляционной инстанции, оставив приговор без изменения, указал, что квартира, из которой совершена кража, собственником в качестве жилища фактически не использовалась и пригодна к этому не была, поскольку в квартире отсутствовал ремонт, мебель, газовая плита, сантехника и прочие предметы быта, необходимые для постоянного проживания. Фактически квартира использовалась для хранения вещей ее собственника [3].

Если лицо, проникает в жилище с разрешение хозяина, а лишь затем решает похитить имущество находящееся там, что признак незаконного проникновения в данной ситуации отсутствует. Не может быть квалифицировано по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ также кража, умысел на совершение которой возник у виновного после незаконного проникновения. Так, Приговором Курганского городского суда от 13 июня 2014 года Мамлютов Ф.Р. и Рустамов Т.С. осуждены по ч. 1 ст. 139 УК РФ и п. «а» ч. 2

ст. 158 УК РФ. Из материалов дела следует, что осужденные проникли в дачный домик, который был пригоден для проживания в зимнее время (имел печь, электричество, водопровод, был мебелирован), поскольку не имели постоянного места жительства и несколько дней распивали там спиртные напитки. После чего, М. предложил Р. похитить находящееся там имущество, с целью приобретения спиртного, на что Р. согласился. Позже осужденные совместно обыскали дом, собрали имущество и сбыли, совершив кражу группой лиц по предварительному сговору [43]. В вышеуказанном случае, речь идет о разграничении квалифицированного признака кражи от совокупности преступлений - простой кражи и нарушения неприкосновенности жилища.

Совершение кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) как квалифицированный состав был введен в ст. 158 УК РФ Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Диспозиция п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем кражи. Лицо, совершившее хищение или иное незаконное приобретение средства кражи (платежной карты), самостоятельной ответственности не несет, хотя его действия при этом могут подпадать под признаки приготовительных к краже действий.

В ч. 4 ст. 158 УК РФ определена ответственность за кражу, совершенную организованной группой. Кража признается совершенной организованной группой, если она совершена устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например,

специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия материальных ценностей, наличие в группе лидера, распределение ролей между соучастниками при подготовке и непосредственном совершении хищения, обеспечение мер по его сокрытию и др.) [39].

Действия всех лиц, совершивших кражу в составе организованной группы (независимо от конкретной роли каждого ее участника), квалифицируются по ст. 158 УК РФ как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Лицо, создавшее организованную группу, несет ответственность за все преступления, совершенные этой группой, если эти преступления охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы несут ответственность только за те эпизоды краж, при подготовке или в совершении которых они принимали участие.

В целом, проведенное в данной главе выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Родовым объектом кражи являются общественные отношения, складывающиеся в сфере российской экономики, которые охраняются нормами раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Видовым объектом кражи как хищения, исходя из названия главы 21 УК РФ, признается «собственность», а точнее имущественные отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением материальными благами субъектами этого права. Непосредственным объектом кражи может выступать государственная, муниципальная, частная или иные формы собственности. Объективная сторона кражи предусматривает тайное хищение чужого имущества. Обязательными признаками объективной стороны кражи являются: действие (тайное, незаконное, безвозмездное, помимо воли владельца изъятие чужого имущества); последствие, которое заключается в завладении виновным чужим имуществом; причинная связь между действием и результатом; способ совершения преступления, характеризующийся тайностью. Кража является преступлением с материальным составом. Она

считается оконченной с момента противоправного изъятия имущества и получения виновным реальной возможности распорядиться или пользоваться им (спрятать, передать другим лицам, принять по назначению и т.д.).

Субъект кражи – физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Субъективная сторона кражи характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Корыстная цель налицо, если чужое имущество изымалось и (или) обращалось в пользу виновного, или в пользу других лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он заинтересован, или в пользу соучастников виновного. Определенные особенности имеет квалификация кражи по ее квалифицирующим признакам (ч. 2 ст. 158 УК РФ): а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. По ч. 3 ст. 158 УК РФ наказуема кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, а также совершенная из нефтепровода, нефтепродуктовода, газопровода либо в крупном размере (на сумму более 250 тыс. рублей) и с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. В ч. 4 ст. 158 УК РФ определена ответственность за кражу, совершенную организованной группой, и в особо крупном размере.

Глава 3 Отграничение кражи от смежных составов преступлений

В судебно-следственной практике отграничения кражи от смежных составов преступлений, особую трудность вызывает разграничение кражи и грабежа. Так, для отграничения данных составов преступлений необходимо установить: умысел виновного, направленный на совершение хищения тайным или открытым способом; субъективное отношение присутствующих при хищении лиц к происходящему на их глазах событию, так как сам факт физического присутствия других лиц на месте преступления не свидетельствует об открытом способе совершения хищения; характер взаимоотношений между виновным и присутствующими при хищении лицами. Необходимо отметить, что кража относится исключительно к группе ненасильственных форм хищения, а грабеж можно с одной стороны отнести к ненасильственным формам хищения, а с другой к насильственным. Так как при грабеже виновный может совершить как изъятие чужого имущества сопряженного с насилием, не опасным для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия, так и ненасильственное похищение данного имущества, совершённое в открытой форме. Так, если в действиях виновного имеет место насилие как средство подавления воли потерпевшего к сопротивлению, то оно исключает состав кражи в действиях виновного [32, с. 212]. Следует отметить, что не всякое изъятие имущества, совершенное незаметно для собственника, иного владельца и посторонних лиц, может квалифицироваться как кража. Так, например, если незаметность изъятия была обеспечена насильственными (без причинения вреда здоровью) действиями (например, изоляция потерпевшего в комнате), вне зависимости от того какой промежуток времени был между лишением потерпевшего свободы и изъятием имущества, содеянное квалифицируется как грабеж.

На практике, выделяется несколько ситуаций отграничения данных составов преступления. Первая, когда присутствующие при совершении хищения лица не осознавали и не воспринимали содеянное виновным как

преступление, содеянное квалифицируется как кража. Для правильной квалификации деяния необходимо учитывать состояние потерпевшего. Так, если виновный при совершении хищения использовал беспомощное состояние потерпевшего, то данный факт указывает на тайный способ изъятия имущества. Так, например, К., он путем свободного доступа через незапертую дверь вошёл в квартиру, в которой проживает гражданин А., и, воспользовавшись тем, что он спит, из кошелька, находившегося в шкафу, тайно похитил денежные средства и скрылся с места преступления, после чего распорядился ими по своему усмотрению. Кировский районный суд г. Омска признал К. виновным в совершении кражи [42]. Вместе с тем, если виновный не осознавал, что потерпевший находился в беспомощном состоянии, предвидел возможное оказание им противодействия и желал совершить хищение данного имущества, то содеянное квалифицируется как грабеж. Наиболее сложной для правильной квалификации является ситуация, когда один из участников кражи, предварительно договорившихся о совместном совершении, знает, что оказавшееся в месте совершения преступления лицо осознает обстоятельства преступного деяния. Таким образом, действия данного лица перерастают в грабеж (эксцесс исполнителя) и, соответственно, квалифицируются как грабеж. Сложность данной ситуации заключается в том, что возникает вопрос, как правильно квалифицировать признак совершения деяния в составе группы, так как совершенный как эксцесс грабеж не тождественное краже преступление. Тем не менее, согласно утверждению Верховного Суда РФ, «содеянное лицом, действовавшим в пределах предварительного сговора с ещё одним лицом, ставшим в результате собственного эксцесса исполнителем более тяжкого преступления, все равно требует квалификации изначально оговоренного менее тяжкого преступления как совершенного группой лиц по предварительному сговору» [35].

Вторая, когда виновный совершает хищение в присутствии близкого родственника, наблюдающего его действия, понимающего и правильного

оценивающего их характер и не скрывающего своего присутствия, и рассчитывает на то, что не встретит противодействия с его стороны.

Третья, когда виновный намеревался совершить хищение тайно, однако его действия были обнаружены другими лицами, до осуществления им всех действий по изъятию имущества. Квалификация действий виновного будет зависеть от его дальнейшего поведения. Так на практике выделяется следующие виды дальнейшего развития событий: если виновный, осознав факт того, что он обнаружен, прекращает хищение и пытается скрыться, бросив похищаемое имущество, то в данном случае действия виновного будут квалифицированы как покушение на совершение кражи; если лица, обнаружившие действия виновного, не обнаружили себя и не приняли мер к пресечению хищения, в связи, с чем последний не осознавал, что его действия стали кому-либо известны, то данные действия квалифицируются как кража. Кроме того, судебная практика не относит к противодействию со стороны третьих лиц ненастойчивые и не выражающиеся в жёстких требованиях угрозы прекратить преступные действия. Если же лица, обнаружившие действия виновного, приняли какие-либо меры к пресечению хищения чужого имущества, а последний осознавая это, продолжил совершение хищения или удержание уже незаконно изъятого имущества, то в данном случае начавшееся как тайное хищение, оно перерастает в открытое, соответственно такого рода действия квалифицируются как грабеж [39].

В свою очередь, убежденность лица в том, что его действия заведомо заметны окружающим, но по независящим от него фактическим обстоятельствам они остались необнаруженными, дает основание квалифицировать такое деяние как грабеж. Поэтому, в подобных случаях при квалификации содеянного необходимо учитывать все обстоятельства дела в их совокупности, выяснить, как лица, присутствовавшие при совершении кражи, реагировали на незаконные действия похитителя, предприняли ли они какие-либо меры для прекращения противоправного посягательства. Также необходимо отметить, что если виновный осознает, что его противоправные

действия фиксируются камерами видеонаблюдения, однако исходит их того, что никакое физическое лицо за ним в это время не наблюдает, то в подобных случаях деяние следует квалифицировать как кражу [12, с. 187]. Данные составы преступлений также отличаются друг от друга по такому признаку объекта преступления как предмет посягательства. При краже предметом является исключительно чужое имущество в виде конкретных вещей, имеющих материальную ценность. При присвоении и растрате предметом является вверенное имущество, то есть на момент совершения хищения оно находилось в правомерном владении виновного.

Отграничение кражи от присвоения и растраты осуществляется по такому признаку объективной стороны, как способ хищения. Для присвоения и растраты характерно изъятие вверенного виновному имущества, путём злоупотребления доверием, которое ему было оказано в связи с выполняемой работой или кругом функциональных обязанностей, исполняемых им по службе. Для кражи характерна тайность совершения хищения. Основное отличие кражи от присвоения и растраты данных составов преступлений друг от друга заключается в субъекте преступления. При присвоении или растрате виновный правомерно владел похищаемым имуществом, так как в силу договорных отношений, специального поручения, должностных или служебных обязанностей осуществлял в отношении данного имущества правомочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию, хранению и нес за его сохранность материальную ответственность. При краже виновный не обладает никакими правами и полномочиями по распоряжению, управлению, хранению по отношению к похищаемому имуществу, однако может иметь к нему доступ в связи с порученной работой либо выполнением служебных обязанностей. Если же имущество было вверено виновному на законных основаниях, впоследствии тайно им похищено, данные действия подлежат квалификации как присвоение и растрата, несмотря на тайный способ хищения. Решая вопрос об отграничении составов присвоения или растраты от кражи, суды должны установить наличие у лица полномочий.

Совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим доступ к похищенному имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано по ст. 158 УК РФ.

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются другими лицами, а последний, с целью завершить начатое преступление, применяет насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угрожает применением такого насилия, то содеянное квалифицируется как разбой [39]. Отграничение данных составов преступлений целесообразнее всего осуществлять: по объекту преступления: кража посягает исключительно на непосредственный объект - общественные отношения собственности; разбой посягает как на основной объект - общественные отношения собственности, так и на дополнительный - общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека и гражданина; по объективной стороне - способ хищения: для разбоя характерным признаком является открытый способ, при этом насилие является средством хищения чужого имущества; для кражи характерна тайность совершения хищения, а также момент окончания преступления: для разбоя таковым признается момент нападения на потерпевшего с целью хищения чужого имущества, так как он является усечённым составом преступления; для кражи таковым признается момент появления возможности у виновного распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению; по субъективной стороне - содержание умысла: при совершении кражи умыслом виновного охватывается тайный способ её совершения; при совершении разбоя умыслом виновного охватывается открытый способ совершения хищения и применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего [41]. Кража относится исключительно к группе ненасильственных форм хищения, а разбой - исключительно к группе насильственных форм хищения, так как насилие и

угроза его применения является обязательным признаком объективной стороны, оно применяется с целью завладеть чужим имуществом или удержать уже похищенное имущество. Кроме этого, необходимо отметить, что применяемое при разбое насилие должно являться опасным для жизни или здоровья.

Составы кражи от мошенничества, в первую очередь, отличаются друг от друга по такому признаку объекта преступления как предмет посягательства: при краже предметом является исключительно чужое имущество в виде конкретных вещей, имеющих материальную ценность; при мошенничестве предметом могут быть как чужое имущество, так и приобретение права на чужое имущество. В связи со своеобразием предмета преступного посягательства хищение при мошенничестве может выражаться как в фактическом завладении чужим имуществом, так и в юридическом завладении правом на чужое имущество, обеспечивающим легальную возможность владеть данным имуществом, но не распоряжаться им. Кроме того, если предметом кражи может являться исключительно движимое имущество, то в качестве предмета мошенничества может выступать как движимое, так и недвижимое имущество [5, с. 139]. Как при краже, так и при мошенничестве незаконное изъятие имущества может совершаться в присутствии собственника, иного владельца или посторонних лиц. Поэтому отграничение данных составов преступлений также осуществляется и по признакам объективной стороны: для мошенничества характерным признаком является применение виновным обмана или злоупотребления доверием в качестве способа завладения чужим имуществом, в результате совершения которых переход имущества внешне похож на добровольный, правомерный акт передачи его собственником либо иным владельцем; действия виновного при совершении мошенничества направлены на введение в заблуждение лиц, владеющих, распоряжающихся имуществом или ответственных за его сохранность, и склонение их к невольному участию в процессе изъятия имущества из своего же имущественного фонда; для кражи характерен тайный

способ совершения хищения, облегчённый обманом, причём в момент совершения собственник или иной владелец не знают, что лишаются своего имущества. Поэтому, проблема отграничения данных составов заключается в том, что иногда при совершении кражи виновный также применяет обман, но как способ введения в заблуждение лиц, владеющих, распоряжающихся имуществом или ответственных за его сохранность, либо входит к ним в доверие, чтобы обеспечить себе доступ к имуществу, после чего совершает его хищение без участия лиц, владеющих имуществом или охраняющих его [5, с. 141]. Необходимо также остановиться на отграничении кражи от таких деяний как временное незаконное завладение чужим имуществом (временное позаимствование) и присвоение найденного имущества. Вопрос об отграничении кражи от временного незаконного завладения чужим имуществом относится к числу дискуссионных. В ряде источников основанием для выделения временного незаконного завладения чужим имуществом считаю отсутствие корыстной цели в действиях виновного. Так, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что не образуют состава кражи противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью. При этом далее указано, что данные действия при наличии на то оснований подлежат квалификации как самоуправство, ответственность за которое предусмотрена ст. 330 УК РФ. Последствия кражи в виде незаконного обогащения виновного за счёт изъятого имущества не имеют места при совершении неправомерного временного позаимствования, что свидетельствует о меньшей общественной опасности. При совершении временного незаконного завладения чужим имуществом, в отличие от кражи, виновный владеет и пользуется чужой собственностью, но не распоряжается ею.

Однако, следует отметить, что при сравнении санкций УК РФ, предусматривающих ответственность за неквалифицированную кражу и за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством

без цели хищения, вскрывается некая неточность, так как кража считается более общественно опасной, чем неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, однако предусматривает менее строгое наказание. Наиболее значимым критерием отграничения кражи от временного незаконного завладения чужим имуществом является содержание умысла виновного, так как при совершении временного незаконного завладения чужим имуществом виновный не собирается присваивать имущество и намеривается возвратить его через определенный период времени законному владельцу. Кроме того, в данном случае нельзя вести речь об обращении имущества в пользу виновного, поскольку он вообще не имеет цели присвоить и присоединить его к своей имущественной массе [5, с. 142]. Уже долгое время одним из актуальных вопросов в правоприменительной практике остается проблема отграничения кражи от присвоения найденного имущества. Проблема заключается в том, что отсутствует четкое решение законодателя о принадлежности имущества в тех случаях, когда собственник не отказался от своего титульного права, но при этом сам утратил господство над вещью и никому не вверил её. Основное отличие рассматриваемых деяний заключается в признаках: предмета посягательства: при совершении кражи виновный похищает заведомо для него чужое имущество; при совершении присвоения найденного имущества виновный посягает на имущество, которое в момент его присвоения не находится во владении собственника или другого законного владельца, а уже вышло из него, по вине последнего или в силу случайных обстоятельств, и для него неизвестно его местонахождение; объективной стороны: при совершении кражи виновный своими активными действиями изымает имущество из владения собственника или иного законного владельца, обращая его в свое незаконное владение, пользование или распоряжение; при совершении присвоения найденного имущества виновный извлекает незаконную выгоду за счет имущества, вышедшего из владения собственника, в силу различных причин, но независимо от его воли и действий, то есть в отсутствие активных

действий, которые можно признать изъятием, выведением имущества из владения собственника или иного владельца имущества. Таким образом, если умысел на завладение чужим имуществом возник у виновного до выхода данного имущества из владения собственника или иного законного владельца и для реализации своих намерений он совершил какие-либо действия, то данные действия квалифицируются как кража. Кроме того, необходимо отметить, что лицо, нашедшее потерянное имущество и не выполнившее требования гражданского законодательства по информированию и возврату его утратившему лицу, не может быть привлечено к уголовной ответственности, так как данный вопрос не регламентируется УК РФ. Поэтому, ответственность за данное деяние устанавливается исключительно в рамках гражданско-правовых отношений.

Важным аспектом является то, что в правовой литературе высказывается мнение, что потерянные вещи отличаются от забытых. Забытым признается имущество, находящееся в месте, известном собственнику или иному законному владельцу, и он имеет возможность за ним вернуться или иным способом его возвратить. Основываясь на данное положение, можно сделать вывод, что забытые вещи могут являться предметом кражи, в том случае, если виновный осознавал возможность возвращения собственнику за своим имуществом [61, с. 447]. Трудность в доказывании направленности умысла виновного заключается в том, что крайне трудно достоверно установить, знали ли собственник или иной законный владелец вещи, где он её забыл. Я считаю, что присвоение забытого имущества должно квалифицироваться как кража, в тех случаях, когда лицо осознает: принадлежность присваиваемого имущества конкретному лицу (или имеет основание полагать, где находится владелец имущества); собственник или законный владелец может вернуться за данным имуществом. Так, например, действия гражданина А., который в своей квартире распивал спиртные напитки совместно с гражданками Б., которая, уходя домой, оставила свой мобильный телефон в квартире гражданина А. Утром гражданин А. обнаружил в прихожей, лежавший между тумбочкой и

стеной, мобильный телефон гражданки Б., который впоследствии присвоил и продал. Суд квалифицировал действия гражданина А. как кража. Кроме того, суд указал, что виновный достоверно знал, кому именно принадлежит мобильный телефон, и что потерпевшая знала, где именно оставила мобильный телефон и предъявляла к гражданину А. требования о его возврате [50].

Необходимо обратить внимание на то, что подобные случаи являются предметом споров судов различных уровней, в том числе и в Верховном Суде РФ. Так, например, Приговором мирового судьи Первомайского района г. Ижевска с учетом апелляционного постановления Первомайского районного суда Ижевска К. был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Однако, Президиум Верховного Суда Удмуртской Республики приговор и апелляционное постановление отменил, а уголовное дело в отношении К. прекратил ввиду отсутствия в его действиях состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию. Так, в автомобиле у К., работающего водителем в службе такси, один из клиентов потерял мобильный телефон. Когда клиент обратился в службу такси с вопросом о потерянном телефоне, К. осмотрел автомобиль, но телефон не обнаружил. Через некоторое время К., делая уборку в автомобиле, нашел под сиденьем мобильный телефон, потерянный кем-то из пассажиров. К. обратил найденный телефон в свою собственность, пользуясь и распоряжаясь им по своему усмотрению [66]. Из установленных судами обстоятельств дела следует, что сотовый телефон был утрачен собственником без участия К., который лишь обнаружил телефон, причем через значительное время после утраты, и присвоил утерянную вещь, не будучи осведомленным о собственнике телефона, то есть К. не предпринял никаких действий, направленных на неправомерное изъятие чужого имущества.

Вместе с тем, было вынесено иное решение в Президиуме Верховного суда РФ, которое несколько изменило сложившуюся практику. Речь идет об уголовном деле в отношении гражданки Г.Н.Ю. по делу №75-УД17-2, которая нашла сотовый телефон в рабочем состоянии и имеющий идентификационные

признаки, находящийся совместно с другими предметами в государственной поликлинике. Найденное имущество она обратила в свою пользу и впоследствии добровольно выдала, когда к ней обратились по поводу возврата утраченного телефона сотрудники полиции. Потерпевший не считал сотовый телефон потерянным и через непродолжительное время вернулся на место, где оставил его с другими вещами, обнаружив отсутствие телефона, осуществлял звонки на свой абонентский номер с целью установления его местонахождения, а затем обратился за помощью в полицию. Г.Н.Ю. осознавала, что телефон кому-то принадлежит, что владельца чужой вещи рядом нет, однако она не отвечала на осуществлённые по телефону вызовы, а затем избавилась от сим-карты, находящейся в нём, заменив её другой сим-картой и обратив телефон в свою пользу. Поэтому Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что действия Г.Н.Ю. правильно были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [67]. Несомненно, разграничение кражи и находки осуществляется в каждом конкретном случае исходя из совокупности сложившихся обстоятельств и внешней обстановки. В многочисленных судебных решениях Верховного суда РФ, а также в уголовно-правовой доктрине предлагается обращать пристальное внимание на характер выбытия имущества из обладания собственника. При этом, нужно иметь в виду, что присвоение оставленной, а не утерянной или забытой вещи, считается уголовно наказуемым деянием. Так, если при утрате вещи собственник или законный владелец не знает о месте нахождения имущества, то при оставлении оно ему достоверно известно. При этом если из обстоятельств дела (а не только со слов потерпевшего) однозначно следовало, что вещь была оставлена, а не забыта и не потеряна, то незаконно присвоивший ее гражданин совершил хищение. Из вышеуказанного примера видно, что Г.Н.Ю. осознавала то, что телефон кому-то принадлежит и что владельца чужой вещи рядом нет, однако не отвечала на осуществленные по телефону вызовы, а затем избавилась от сим-карты, находящейся в нем, заменила ее другой сим-картой и обратила телефон в свою пользу. Можно

сформулировать общий вывод: хищение будет иметь место только при наличии следующих условий: вещь является оставленной, собственник или законный владелец этой вещи точно знает, где она находится, указанное имущество обладает признаками, позволяющими его идентифицировать. Однако, присвоение найденной вещи на данный момент следует расценивать с юридической стороны как неосновательное обогащение, а не кражу, у потерявшего есть способ защиты своих прав – это обращение в суд с иском об истребовании своего имущества из чужого незаконного владения. Решением данной проблемы может стать принятие соответствующих изменений в УК РФ относительно установления уголовной ответственности за ответственность за присвоение найденного чужого имущества. В целом, по итогам проведенного в данной главе выпускной квалификационной работы исследования, можно сформулировать общий вывод, что для правильной квалификации такого преступления, как кража чужого имущества и его отграничения от смежных преступлений и иных деликтов, требуется детальное и полное изучение всех обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, так как, несмотря на кажущуюся простоту и разрешенность, в том числе на уровне Пленума Верховного Суда РФ, в правоприменительной практике все еще вызывает сложность как отграничение кражи от смежных составов преступлений и от уголовно ненаказуемых деяний, так и квалификация совокупности кражи с другими видами преступлений. Для решения данной проблемы законодателю необходимо выработать критерии разграничения уголовно наказуемых деяний друг от друга, и от деяний, не являющихся таковыми.

Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Законодатель, закрепив уголовную ответственность за хищение чужого имущества, практически не отразил нормативное содержание всех элементов, входящих в данное понятие, зафиксировал бланкетный характер юридической техники. Подобное нормотворческое конструирование породило различные спорные интерпретации и ошибки в применении уголовного закона. Признаками хищения являются: корыстная цель, противоправность, безвозмездность изъятия, чужое имущество, обращение его в пользу виновного или других лиц, причинение вреда собственнику. В современных условиях, необходимо пересмотреть систему обязательных признаков хищения, исключив из них те, которые дублируют друг друга или содержат противоречия.

Критерием выделения форм хищения является способ хищения, а критерием видов хищения – размер похищенного. Отсутствие в законе ясного определения форм хищения затрудняет решение многих вопросов квалификации хищения. Кража является одной из форм хищения, но с присущими именно ей признаками состава преступления. Важнейшей особенностью, отличающей кражу от иных форм хищения, является тайный способ совершения преступного деяния. Определенные особенности имеет квалификация кражи по ее квалифицирующим признакам, рассмотренным в данной выпускной квалификационной работе.

Проблемным представляется разграничение видов кражи в зависимости от размера ущерба, причиняемого ею. Когда похищенное имущество не было обнаружено после раскрытия преступления, и его стоимость определяется из показаний потерпевшего и его субъективной оценки своего имущества, вид ответственности (уголовная или административная), а также характер противоправного деяния зависит от мнения потерпевшего.

Немало ошибок в квалификации порождает признак незаконного проникновения как в помещение (хранилище), так и в жилище. Сам по себе факт того, что виновный ранее находился в помещении или жилище на законном основании, состоит в родственных или дружеских связях с потерпевшим не исключает наличия квалифицирующего признака. Кроме того, действия виновного квалифицируются по-разному в зависимости от характера помещения, из которого совершена кража, от его пригодности для проживания.

Проблематичной является квалификация хищения, совершенного с использованием банковских карт, в данном случае дифференциация составов кражи и мошенничества зависит от того, происходит ли непосредственный контакт у виновного с другим лицом (например, сотрудником банка) при снятии денежных средств или нет (при получении денежных средств в банкомате).

В судебной практике встречаются также случаи неверной квалификации кражи как более опасной формы хищения, например, грабежа.

Для правильной квалификации такого преступления, как кража чужого имущества и его отграничения от смежных преступлений и иных деликтов, требуется детальное и полное изучение всех обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, так как, несмотря на кажущуюся простоту и разрешенность, в том числе на уровне Пленума Верховного Суда РФ, в правоприменительной практике все еще вызывает сложность как отграничение кражи от смежных составов преступлений и от уголовно ненаказуемых деяний, так и квалификация совокупности кражи с другими видами преступлений. Для решения данной проблемы законодателю необходимо выработать критерии разграничения уголовно наказуемых деяний друг от друга, и от деяний, не являющихся таковыми.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алханов Х.Ш.М. Понятие и признаки хищения // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы. Сборник научных статей (по материалам II Международного форума. – М., 2017. С. 24-28.
2. Альханов Н.М. Кража как форма хищения в действующем законодательстве РФ // Евразийский научный журнал. 2016. № 12. С. 120-124.
3. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 3 сентября 2015 г. № 22-1123/2015 // СПС Консультант Плюс.
4. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 4 апреля 2016 г. № 22-143/2016 // СПС Консультант Плюс
5. Беккер Д.А. Вопросы отграничения кражи от некоторых смежных составов // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. – М., 2019. С. 139-141.
6. Блинов И.С. Эволюция понятия хищения в российском уголовном праве // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 6. С. 701-706.
7. Богданчиков С.В. Корыстная цель как обязательный признак субъективной стороны хищения // Закон и право. 2017. № 1. С. 90-91.
8. Болгов Д.И. Квалификация кражи в уголовном законодательстве РФ // Электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 140-144.
9. Борисов И.Д. Понятие и признаки предмета хищения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1. С. 43-46.
10. Буравцова А.Ю. Имущество - предмет хищения // Юридический факт. 2019. № 77. С. 11-13.
11. Валитова Г.Р. Понятие хищение по уголовному праву России // Наука и образование в глобальных процессах. 2016. № 1. С. 127-129.
12. Верещагин С.А. Актуальные проблемы квалификации краж // Перспективы развития науки и общества в условиях инновационного развития

сборник: статей Международной научно-практической конференции. – М., 2018. С. 187-189.

13. Ветрила Е.В. Уголовно–правовая характеристика состава кражи по УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: монография. – Сочи, 2015. С. 166-168.

14. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. Уголовное право: часть общая, часть особенная: учебник. – М. : Юриспруденция, 2005.

15. Головин Т.П., Синюкова Т.Н. Уголовно-правовая характеристика кражи // Уголовная ответственность и наказание. Опыт России и зарубежных стран. Сборник статей по материалам научно-практической конференции. – М., 2019. С. 48-54.

16. Гражданский кодекс РФ (части первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями на 16 декабря 2019 г.), вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изменениями на 3 июля 2019 г.), третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изменениями на 18 марта 2019 г.) и четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изменениями на 18 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301, 1996. №5. Ст. 410, 2001. №49. Ст. 4552, 2006. №52. Ст. 5496.

17. Гринченко Е.И. Формы и виды хищений // Концепция устойчивого развития науки третьего тысячелетия: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. – М., 2016. С. 139 - 140.

18. Дементьева А.В. К вопросу об уголовно правовой характеристике признаков состава кражи // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – М., 2019. С. 141-144.

19. Долгих И.П., Шебанов Д.В. Об оптимизации понятия «хищение» в российском законодательстве // Юридические исследования. 2014. № 5. С. 23-37.

20. Дударева К.И. Уголовно–правовая характеристика квалифицирующих признаков кражи // Наука и современность Материалы I Всероссийской научно–практической конференции. – М., 2017. С. 174-180.

21. Ермакова О.В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 11-14.

22. Жамков В.В., Крысин В.А. Понятие и форма хищения чужого имущества // Юность. Наука. Культура Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2017. С. 190-192.

23. Забавко Р.А. Изъятие и (или) обращение имущества в пользу виновного или других лиц как признак хищения // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник статей. – М., 2016. № 1. С. 43-45.

24. Забавко Р.А., Чернов А.В. Хищение: понятие, признаки, особенности квалификации. - Иркутск, 2017.

25. Зверьяка В.А. Уголовная ответственность за кражу // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 33. С. 72-77.

26. Калашников И.О. Уголовно-правовая характеристика кражи // Наука и образование: проблемы и перспективы. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – М., 2018. С. 213-215.

27. Карягина А.В. Проблемный анализ объективной стороны кражи // Новеллы права и политики: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2018. С. 189-193.

28. Коновалов В.П., Науменко А.П. Отличие грабежа от кражи // Актуальные проблемы права. Сборник статей и тезисов докладов научно-практической конференции. – М., 2019. С. 62-65.

29. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями на 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

30. Кравцов Р.В. К вопросу о признаках кражи чужого имущества // Сибирский юридический вестник. 2015. №4. С. 82-89.

31. Мамбеталиев Ф.Б. Специфика объективных признаков кражи по уголовному законодательству России // Перспективы науки и общества в

условиях инновационного развития: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – М., 2018. С. 171-173.

32. Матвеев И.В. Квалификация кражи по квалифицирующим признакам // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11. С. 210-214.

33. Матвеев И.В. Проблемы отграничения кражи от мелкого хищения // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции. – М., 2019. С. 199-201.

34. Мурзагареева Е.В. Кража как основной состав преступления // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – М., 2018. С. 72-75.

35. Определение Верховного Суда РФ от 9 сентября 2016 г. № 1-Д16-11 // СПС Консультант Плюс

36. Официальный сайт МВД РФ. Аналитическая информация ФКУ «ГИАЦ МВД РФ» [Электронный ресурс]: <http://www.mvd.ru>.

37. Папинян К.Г. Противоправность и безвозмездность изъятия имущества при хищении // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 176-177.

38. Поезжалов В.Б. Предмет хищения: некоторые спорные вопросы квалификации // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2019. № 1. С. 419-424.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями на 16 мая 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №8.

40. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 15 июня 2015 г. № 44у-53/2015 // СПС Консультант Плюс.

41. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 22 августа 2016 г. № 44у-107/2016 // СПС Консультант Плюс.

42. Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани от 27 февраля 2018 г. по делу № 1-106 // СПС Консультант Плюс

43. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 16 января 2017 г. // СПС Консультант Плюс

44. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 13 июня 2014 г. № 1-213/2014 // СПС Консультант Плюс

45. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 5 апреля 2015 г. № 1-186/2015в // СПС Консультант Плюс

46. Приговор Мишкинского районного суда Курганской области от 3 февраля 2015 г. № 1-11/2015 // СПС Консультант Плюс

47. Приговор Московского городского суда № 1-187/2017 от 13 ноября 2017 г. по делу № 1-187/2017 // СПС Консультант Плюс

48. Приговор Октябрьского районного суда города Липецка от 27 сентября 2016 г. // СПС Консультант Плюс

49. Приговор Тракторозаводского суда Челябинской области от 27 января 2015 г. № 1-16/2015 // СПС Консультант Плюс

50. Приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 2 августа 2019 г. по делу № 1-673/2019 // СПС Консультант Плюс

51. Приговор Чунского районного суда (Иркутская область) от 5 августа 2019 г. по делу № 1-86/2019 // СПС Консультант Плюс

52. Разыграева Е.Н. Причинение ущерба и противоправность изъятия как признаки хищения // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 73-77.

53. Рогова Н.Н. Особенности квалификации кражи // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник научных трудов по итогам международной научно–практической конференции. – М., 2017. С. 58-61.

54. Сараева М.А. Совершенствование законодательства в сфере квалификации кражи // Современные проблемы уголовного права и

криминалистики. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2018. С. 59-66.

55. Семенов В.Р. Особенности объективной стороны кражи // Наука и практика. 2016. № 4. С. 82 - 84.

56. Сергеева А.А. Кража, как тайное хищение чужого имущества // Общественные и экономические науки: сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. – М., 2018. С. 259-262.

57. Скобина Е.А., Шишкина С.А. Некоторые проблемы квалификации кражи // Актуальные вопросы юридических наук. Материалы IV Международной научной конференции. – М, 2018. С. 6268.

58. Солина О.А. Понятие и признаки хищения по действующему законодательству: особенности юридической конструкции // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере экономики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2015. С. 343 - 347.

59. Тюленева С.С. Уголовно-правовая характеристика кражи // Становление и развитие нового гуманитарного и экономического знания: сборник научных трудов. – М., 2019. С. 74-77.

60. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 18 февраля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. №26. Ст. 2458

61. Филиппова Е.О., Барабанова Т.С. Понятие хищения и его признаки // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2015. С. 122-124.

62. Хакимова Э.Р. Некоторые проблемы квалификации кражи // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2019. С. 445-448.

63. Халилова Д.З. Некоторые проблемы отграничения кражи от смежных составов преступлений // Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов. - Санкт-Петербург, 2019. С. 148-151.

64. Хилюта В.В. Концептуально-теоретическая модель определения форм хищения в уголовном законе // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 90-110.

65. Хорьков С.А., Свиридова Д.А., Ваганов А.В. Понятие и признаки хищения в соответствии с УК РФ // Новый юридический вестник. 2019. № 4. С. 35-36.

66. Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики за 4 квартал 2014 г. // СПС Консультант Плюс

67. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2017 г. № 75-УД17-2 // СПС Консультант Плюс

68. Шахбазян Р.С. Уголовная ответственность за кражу // Вестник научных конференций. 2019. № 3. С. 179-182.